

монстрирует и практика издания журналов мод начиная с 1830-х гг. – огромные тиражи, чрезвычайно широкая адресация и гибкая ценовая политика делают их по-настоящему всеобщим инструментом формирования представлений о моде. О том же говорит и сама организация торговли одеждой.

Столь же удивительно читать и о «получивших признание специалистов результатах экспериментов с прозодеждой» (с. 66). Конструктивистские эксперименты с прозодеждой получили признание у искусствоведов, коллекционеров, музейщиков и арт-дилеров 1960-х гг. (с типичными для того времени минималистичным дизайном и новыми формами искусства и архитектуры). Современниками же они не были поняты. К разработке этой одежды художники московского Института художественной культуры почти и не приступили: костюмы В. Степановой и А. Родченко предназначались для театральных постановок – «Смерти Тарелкина», «Клопа», «Инги», которые не продержались на сцене и года. Даже опыт В. Татлина, разрабатывавшего «нормали одежды» для треста «Ленинградодежда», закончился ничем. Главным итогом бурной деятельности по «созданию новых одежных форм, основанных не на традициях моды»³¹, как раз стало широкое распространение термина «прозодежда», но не более того.

Увы, приходится признать: даже маститые специалисты порой не имеют чёткого представления о том, что в истории моды следует считать историческим фактом и каковы способы его установления. Если в недавнем прошлом историю моды подменяли набором придворных анекдотов, описаниями живописных полотен и иллюстраций в журналах мод, то теперь – перечнем моделирующих организаций, цитатами из официальных постановлений и набором отрывочных произвольных суждений, почерпнутых из средств массовой информации или популярных изданий. Между тем для понимания процессов, происходивших в советской моде, мало знать идеологические клише и отношение к ним, недостаточно констатировать особенности социалистической экономики и иметь в арсенале подборку ГОСТов, газетных статей и результаты опросов граждан. Нужно ещё и учитывать происходившие в обществе технологические и индустриальные изменения, механизмы принятия решений, развитие текстильной и других смежных отраслей промышленности, маркетинга и рекламы, не говоря уже о широком культурном контексте. Наконец, необходима выстроенная на этом основании серьёзная методология, на месте которой пока – лишь пестрота подходов.

Юлия Градскова: Мода, одежда и стиль как оптика для изучения советского общества

Yulia Gradszkova (Södertörn University, Sweden):

Fashion, clothes, and style as the tools for studying the Soviet society

История советской моды как часть истории советского искусства или советской повседневности и потребления уже давно стала важным направлением изучения российского прошлого. Однако монография С.В. Журавлёва и Ю. Гронова является первой попыткой систематического описания истории моды, а также производства и моделирования одежды. Перед авторами стояли сложные задачи обобщения уже имеющихся публикаций (историографический

---

³¹ Эйхенгольц Е. Проблемы массовой одежды // Извфронт. М.; Л., 1931. С. 55.

обзор в первой главе может рассматриваться как один из важных результатов проведенного исследования), введения в оборот новых источников, позволяющих по-новому взглянуть на проблемы советской модной индустрии и производства одежды. Именно эти новые источники – прежде всего документы советских домов моделей и интервью с их сотрудниками – делают монографию особенно интересной и насыщенной новыми фактами.

Проблемы потребления, а точнее, недопотребления и постоянного дефицита – одна из основных тем, к которой часто обращаются исследователи советского общества. В частности, дефицит товаров и услуг нередко рассматривается в качестве факторов, предопределивших крах советской системы. Книга Журавлёва и Гронова является важным вкладом в изучение проблемы дефицита: она исследует на микроуровне механизмы его производства и воспроизводства. Не случайно во вводной главе, следуя Г. Зиммелю, авторы подчёркивают, что модные вещи существенно отличаются от многих других предметов потребления: становясь популярными, они достигают большого распространения, однако именно это чаще всего становится признаком окончания их существования как «модных».

На основе изучения широкого набора источников авторы убедительно показали, что советское руководство на протяжении всего послевоенного периода не только стремилось к производству красивой и модной одежды, но и не исключало возможности первенства СССР в области моды и красоты. Таким образом, авторы поставили под сомнение устоявшиеся представления о том, что сфера потребления, в том числе производство одежды, никогда не находилась в центре внимания советского руководства. Об обратном свидетельствует, по их мнению, организация в Москве уже в 1944 г. Дома моделей одежды, а также крупные инвестиции в становление модной индустрии в 1950–1960-е гг. и внедрение разработок модельеров в массовое производство. Однако, несмотря на многочисленные усилия, советская плановая экономика оказалась неспособной справиться с особенностями потребления модных вещей: спрос на них отказывался подчиняться плану и постановлениям партии.

Как известно, мода выполняет много различных функций, и рассматривать её можно с различных точек зрения – телесности, потребления, красоты и нравственности, модернизации общества, профессионализации и социальной стратификации. Все эти перспективы в той или иной мере присутствуют в монографии. Я хотела бы остановиться в основном на двух – связи моды с социальным нормированием и телесными практиками.

Модная одежда нередко критиковалась в СССР за её «буржуазность», т.е. именно с позиций несоответствия социалистическим принципам равенства. Журавлёв и Гронов пришли к выводу о том, что советская политика в отношении моды и потребления фактически устанавливала идеал, близкий к мелкобуржуазным представлениям о вкусе и внешнем виде, и основными его характеристиками являлись скромность и достоинство. Именно эти качества советская пресса, стремившая воспитывать вкусы потребителя, пропагандировала в 1960–1980-е гг. Не отрицая влияния советской идеологии на развитие моды, необходимо отметить, что сходные тенденции отмечаются исследователями в других странах, стремившихся к уменьшению социальных различий. Например, П. Макнейл и Л. Валленберг отмечают, что в Швеции рациональное планирование того, как должно одеваться население, начиная с 1930-х гг. стало важной составляющей этоса модернизации³². Таким образом, советская поли-

---

³² Nordic Fashion Studies / Ed. by P. McNeil, L. Wallenberg. Stockholm, 2012.

тика культурности в области внешнего вида и одежды 1930-х гг. так же, как и последующее воспитание вкуса у молодежи в 1960–1980-е, может рассматриваться в качестве составной части более глобальных изменений, направленных на уменьшение социальных различий и реформирование повседневности.

Благодаря обширному набору источников, прежде всего публикаций газет и журналов из различных республик и регионов Советского Союза, книга воссоздаёт картину того, как проблемы моды и вкуса преподносились читателям в регионах Советского Союза (например, в Литве, Таджикистане, на Алтае или в Башкирии). Авторы обращают внимание на расхождение контекстов и физические различия фигур, на которые должна была ориентироваться одежда. Конечно, несмотря на разнообразие тем и голосов, поднятых региональной прессой, все использованные источники объединены идеей единства советского народа и стирания национальных и этнических граней. Однако, учитывая недавние публикации по истории моды в других регионах мира, например в Латинской Америке или бывших Британских колониях, важно обратить внимание на различия в практиках идентификации и стратификации, действовавших в тех или иных советских республиках и областях в отношении того или иного стиля одежды или модного аксессуара³³. Глава, посвящённая Таллинскому дому моделей, например, показывает существенные местные особенности формирования вкуса потребителей и практик модельеров, объяснявшиеся влиянием финского телевидения, посылок от родственников, эмигрировавших на Запад, а также западных модных журналов, продававшихся в комиссионных магазинах. В то же время, как и в некоторых странах Латинской Америки, многим народам Советского Союза, объявленным ещё в 1920-е гг. «культурно отсталыми», одежда, пропагандируемая в газетах и журналах, могла представляться частью чуждой культуры, ассоциировавшейся с принуждением³⁴. Во многих регионах СССР единство внешнего вида «советского человека» так и не было достигнуто: жители Дагестана, Туркменистана или Узбекистана лишь ограниченно пользовались товарами советского промышленного производства, поскольку длину и покрой платья, вид украшений и головных уборов определяли здесь местные традиции и религиозные ограничения³⁵. Таким образом, «модная и современная одежда», производимая промышленностью (даже включавшая элементы национального орнамента или украшений, интерес к которым, как справедливо отмечают авторы книги, советские модельеры начали проявлять ещё в 1930-е гг.), могла отторгаться национальными культурами. Во всяком случае дальнейшее изучение этого вопроса требует большего количества материалов из национальных республик и автономных регионов.

Проблема телесности в контексте моды не является центральной для книги, но авторам удалось добавить немало важного и интересного к её исследованию в советском контексте. Затронуты вопросы удобства одежды, выражения мужественности и женственности, модного и «немодного» внешнего вида. Последний не относится собственно к производству одежды, а включает то, как её носят, а также причёску, поведение, походку и, наконец, проблемы «стандартного» и «нестандартного» тела. Авторы показали: не только ношение «слишком модной» одежды, но и любое экспериментаторство с гендерными

---

³³ The Latin American Fashion Reader / Ed. by R. Root. Berg, 2005. P. 136–137.

³⁴ *Tlostanova M. Gender Epistemologies and European Borderland*. Routledge, 2010.

³⁵ *Islam in Post-Soviet Russia. Public and Private Faces* / Ed. by H. Pilkington, G. Emelianova. L., 2003.

характеристиками костюма подвергалось осуждению в советском обществе. Особую опасность для телесного кода представляла сексуализация костюма и поведения. Так, позы с намеком на сексуальность были табуированы для манекенщиц. Наконец, проведённый анализ свидетельствует о том, что изменение гендерных норм в одежде, например, внедрение брюк в женский гардероб, происходило в СССР не менее сложно, чем в других странах (что, по всей вероятности, вновь может быть отнесено к «мелкобуржуазности» советского модного идеала). На мой взгляд, вопрос о связи моды с советским телесным кодом может быть развит, в частности, с помощью исследования возрастных различий в рекомендациях модельеров в сравнении с «западной модой», а также изучения границ «модного» в отношении полноты, высоты, стройности, мускулистости и других телесных характеристик.

Анна Тихомирова: А была ли в СССР вообще мода?

Anna Tikhomirova (University of Bielefeld, Germany): Was there any fashion in the Soviet Union?

«Полноте, да была ли вообще в СССР какая-то мода, тем более – особая “советская мода”? С такой точкой зрения часто приходилось сталкиваться авторам этой книги», – отметили во введении С.В. Журавлёв и Ю. Гронов (с. 13). В процессе чтения монографии у меня постоянно возникало ощущение, что главной их целью было доказать существование советской моды и «реабилитировать» её от тенденциозных обвинений в серости. В итоге тезис о том, что мода в СССР всё-таки была, причём развивалась не как некая аномалия, а преимущественно в русле общеевропейских и мировых тенденций, красной нитью проходит через всю работу, и то, что авторам удалось это доказать, – на мой взгляд, одна из их основных заслуг.

Типичная для СССР постоянная критика моды была также частью европейской истории общественной мысли (с. 43); и в Советском Союзе, и на Западе в сфере моды действовали одни и те же принципы сезонности (с. 97), женские брюки в 1960-е гг. считались «довольно спорным культурным новшеством» (с. 376), существовали похожие молодёжные движения (советские «стиляги», с. 426). Подобными примерами единства советской и западной моды книга изобилует. Авторы отметили и моменты, где советская мода, по их мнению, не только скромно «вписывалась», но и опережала западную, да и своё время в целом: так, о комплектности костюма советские конструктивисты начали думать раньше, чем Эльза Скьяпарелли (с. 66); именно показ советской коллекции моделей дублёнок Ирины Крутиковой в Париже в 1967 г. вызвал взрыв их популярности на Западе (с. 145, правда, авторы не указывают конкретный источник этого смелого утверждения); по сравнению с Западом отечественная одежда производилась из более экологичных и гигиеничных тканей (с. 443) и проч.

Отмечу, что приятным «побочным эффектом» постоянного сравнения советской и западной моды в книге стала наглядная демонстрация проницаемости «железного занавеса» (кстати, подобный тезис выдвинула и блестяще доказала в своей монографии и Лариса Захарова)³⁶. Авторы отметили, что процесс адаптации к советским условиям достижений модной индустрии капиталистических стран продолжился и в эпоху Брежнева (с. 22–23). Любопытно, что

³⁶ Zakharova L. Op. cit.